
**«Основной вопрос философии»
в контексте полемики теизма и атеизма
как систем мировоззренческой навигации человека
(историко-философский и общетеоретический аспекты)**

© 2020 г.   Д.А. Гусев

*Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Москва, 119435,
ул. Малая Пироговская, д. 1; Московский университет им. С.Ю. Витте, Москва, 115432,
2-й Кожуховский пр., д. 12, стр. 1; Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации, Москва, 19606, просп. Вернадского, д. 82.*

E-mail: gusev.d@bk.ru

Поступила 02.07.2018

В ушедшую эпоху, когда «единственно верным» философским учением считался марксизм-ленинизм, основной вопрос философии заключался в том, что первично – материя или сознание? В настоящее время часто можно слышать, что такого «основного вопроса» философии не существует и никогда будто бы не существовало, что он надуман, является идеологическим советским штампом, в лучшем случае – что он безнадежно устарел. Так ли это? Устарел ли философский вопрос о природе субстанции, об онтологическом статусе трансцендентной реальности, о соотношении материального и идеального не только в мире, но и в человеческой жизни? Устарела ли фундаментальная антропологическая проблема психофизического дуализма? Наконец, устарела ли дискуссия между верующими и атеистами? Это риторические вопросы. Все перечисленное никогда не устаревает, постоянно образуя смыслозадающие «полюса», между которыми и разворачивается вся духовная культура человечества. В статье предпринята попытка показать, что полемика между двумя основными мировоззренческими ответами на «основной вопрос» философии – материализмом и идеализмом – тесно связана со всегда актуальной дискуссией между представителями атеизма и теизма, эволюционизма и креационизма, сциентизма и антисциентизма, детерминизма и индетерминизма, антропологического редукционизма и антиредукционизма, или экзистенциализма, сторонниками того, что человеческая жизнь сводится к «хлебу и зрелищам», и их оппонентами. В конечном итоге все это многообразие мировоззренческих противостояний выходит на проблему существования или несуществования идеальной трансцендентной реальности, – помимо напрямую доступного нам материального, или естественного, мира.

Ключевые слова: основной вопрос философии, материализм, идеализм, атеизм, религия, наука, эволюционизм, креационизм, сциентизм, антисциентизм, детерминизм, индетерминизм, волонтаризм, провиденциализм, редукционизм, антиредукционизм.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-6-58-68

Цитирование: Гусев Д.А. «Основной вопрос философии» в контексте полемики теизма и атеизма как систем мировоззренческой навигации человека (историко-философский и общетеоретический аспекты) // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 58–68.

“The Key Philosophical Question” in the Context of the Polemic of Theism and Atheism as Systems of a Herson’s Worldview Navigation (Historical, Philosophical and General Theoretical Aspects)

© 2020   Dmitry A. Gusev

Moscow State Pedagogical University (MPGU), 1, Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119435, Russian Federation; Moscow Witte University, 12–1, Vtoroi Kozhukhovskii pr., Moscow, 115432, Russian Federation; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82, Vernadsky prosp., Moscow, 119606, Russian Federation.

E-mail: gusev.d@bk.ru

Received 02.07.2018

In the bygone epoch, when Marxism-Leninism was considered «the only true» philosophical doctrine, the key philosophical question was what is prime: matter or consciousness? Nowadays it is often declared that no «key question» has ever existed; it being far-fetched, an ideological Soviet cliché or hopelessly obsolete at best. Whether it is so? Whether the philosophical question about the nature of the substance and ontological status of the transcendent reality and the correlation of the material and the ideal both in the world and in human life is obsolete? Whether the fundamental anthropological issue of psycho-physical dualism is obsolete? Finally whether the dispute between believers and atheists is obsolete? These are rhetoric questions. All the mentioned above never gets obsolete constantly forming sense-directing «poles» between which broadly speaking all the human spiritual culture is spreading around. The article attempts to demonstrate that the dispute between two main worldview answers to «the key philosophical question» i.e. materialism and idealism is tightly connected with ever-topical discussion between the representatives of atheism and theism, evolutionism and creationism, scientism and antiscientism, determinism and indeterminism, anthropological reductionism and antireductionism or existentialism, the proponents of life coming down to «panem et circenses» and their opponents. Finally all this variety of worldview oppositions leads to the issue of existence or non-existence of transcendent reality beside directly available material or natural world.

Keywords: the key philosophical question, materialism, idealism, religion, science, evolutionism, creationism, scientism, antiscientism, determinism, indeterminism, voluntarism, providentialism, reductionism, antireductionism.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–6–58–68

Citation: Gusev, Dmitry A. (2020) “The Key Philosophical Question” in the Context of the Polemic of Theism and Atheism as Systems of a Herson’s Worldview Navigation (Historical, Philosophical and General Theoretical Aspects)’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2020), pp. 58–68.

Вопрос о наличии прогресса в различных сферах духовной культуры человечества является одним из наиболее дискуссионных. Альтернативные концепции кумулятивизма и антикумулятивизма дают конкурирующие интерпретации культурно-исторического развития. Возможно ли, например, говорить о прогрессе в области науки? Если да, то будут ли отличаться друг от друга тезисы о прогрессе в области наук естественных и социально-гуманитарных? Возможно ли так же утверждать наличие прогресса в области философских идей, если исходить из того, что философия – не наука, а отдельная и специфическая форма духовной культуры, вместе с другими ее формами – наукой, религией и искусством?

Несомненно, у тезиса о наличии прогресса в области философского знания найдут сторонники, благодаря основным методологическим установкам которых мы имеем высказывания, подобные, например, следующим: «этот вопрос был закрыт, после того, как N выдвинул такую-то концепцию», «после работ Z уже невозможно утверждать, что...», «последняя точка в данной дискуссии была поставлена фундаментальными исследованиями Q», «с этим понятием уже никто серьезно не работает», «такого рода идеи являются уже устаревшими» и т. п. Однако через некоторое время, если не почти сразу после того, как кто-то «закрыл» некую проблему или дискуссию, кто-то другой ее «открыл», «перестроил», «придал второе дыхание», «перезапустил», – так что искры жаркой полемики полетели снова в разные стороны, и оказалось, что вопрос вовсе не закрыт, не устарел, далек от решения и подлежит дальнейшей рефлексии. Получается, что философские вопросы, проблемы и идеи (научные – в том числе, но философские – прежде всего) вообще никогда не устаревают и не решаются, ведь в противном случае философия не была бы самою собой, то есть любовью к мудрости, вечным стремлением к убегающему вдаль горизонту истины, постоянным удивлением и знающим незнанием. Вспомним здесь знаменитое положение А. Уайтхеда, согласно которому вся европейская философия – это комментарии к сочинениям Платона, или не менее известное высказывание Ф. Энгельса: «В многообразных формах греческой философии уже имеются в зародыше, в процессе возникновения, почти все позднейшие типы мировоззрений» [Энгельс 1993, 340].

Переходя к «основному вопросу философии», важно отметить, что по поводу его постановки и вообще наличия в системе философского знания существует предубеждение: поскольку он родом из марксистско-ленинской философии, то представляет собой идеологическое клише и не имеет серьезного отношения к философии [Васильев 2008; Меньшиков 2010]. Хотя какие вопросы являются подлинно философскими, а какие нет, – это тоже большой вопрос, на который нет и не может быть окончательного и общепризнанного ответа. Ведь еще одним из основных философских вопросов (теперь уже без кавычек) является вопрос, что такое философия, чем она занимается и зачем нужна. Различные философские учения, течения и традиции отвечают на этот вопрос по-разному. Важное с точки зрения одного философского направления, принципиальное и достойное быть включенным в круг проблем философии, объявляется надуманным и не имеющим настоящего отношения к философии с точки зрения другого направления. Например, иррационалистические традиции, среди которых романтизм, философия жизни, экзистенциализм, не принимаются всерьез такими рационалистическими, по преимуществу, направлениями, как позитивизм, неокантианство, структурализм, – и наоборот.

Материализм и идеализм, вне сомнения, находятся преимущественно в русле онтологической проблематики. Бытие может быть как бытием материального, так и бытием идеального (нематериального), а значит, проблема соотношения и взаимодействия этих видов, или модусов, бытия лежит в области онтологии. И действительно ли нельзя поставить вопрос о том, что первично? Этот вопрос будет пустым, надуманным, безнадежно «устаревшим» и не имеющим отношения к «серьезной» философии? Действительно нельзя вновь обратиться к вопросу о природе субстанции? Это тоже будет «несерьезным», потому что «с этим понятием никто теперь серьезно не работает»? А «никто» – это кто? И почему не работает? И с каких пор не работает? Кто и когда «окончательно преодолел» использование в философских размышлениях понятий субстанции, материи, внечеловеческого сознания, метафизической реальности, трансцендентного мира и т. п.?

Можно попросить отрицающего философский статус полемики между материализмом и идеализмом, по всей видимости, – представителя неклассической философии, изложить его основные представления о мире и человеке. Здесь посмотрим на саму его практическую жизнь. Например, у него есть дети, которые крещены во младенчестве по его инициативе. Возможно ли такое? Практика показывает, что не просто возможно, но и широко распространено. Как же так? Ведь для представителя

неклассической философии вопрос о существовании трансцендентной реальности, или сверхъестественного мира, объективной истины, того, как все устроено «на самом деле», является бессмысленным, а любые рассуждения об объективном возможны только как рефлексия субъективности. Однако участие в Таинстве Крещения недвусмысленно предполагает, что он не просто не отрицает существование объективной трансцендентной реальности, но мыслит ее в личностном измерении и *уповает* на нее. Даже если он привел к Крещению своих детей «на всякий случай», это все равно противоречит его неклассической философской установке, в силу которой он объявляет проблему первичности несуществующей.

При чем здесь проблема первичности? При том, что два конкурирующих решения «основного вопроса философии» – материализм и идеализм – тянут за собой определенное количество «измов», являются центрами противостоящих друг другу мировоззренческих систем. Сразу оговоримся: речь идет в целом о материализме, без учета его разновидностей, и об объективном идеализме, так как субъективный идеализм занимается более гносеологией, чем онтологией, не ставит вопрос о природе субстанции и не решает проблему первичности.

Итак, согласно материализму, субстанцией является материя, а средоточие всего нематериального – сознание – принципиально производно от нее, будучи результатом ее длительной эволюции и деятельности высокоорганизованной ее формы в виде высшей нервной системы человека. Сознание, таким образом, сводится к материи, выводится из нее, от нее производно, «привязано» к ней, не имеет самодовлеющего бытия, что является одним из наиболее важных исходных принципов объяснения огромного множества явлений в мироздании и человеческой жизни. Сознание в материализме – это именно человеческое сознание, никакого иного сознания (мирового, божественного) нет. Если это так, тогда все объекты сверхъестественного, или трансцендентного, мира, природа которых нематериальна, не существуют сами по себе, они – результат деятельности человеческого сознания. Следовательно, обязательным спутником материализма является атеизм. Зададимся вопросом – устарел ли атеизм как мировоззренческая концепция, перестали ли существовать атеисты – не только на практически-бытовом, но и на теоретическом уровне? Атеизм не устарел и на сегодняшний день актуален не менее, чем несколько столетий назад. Тогда возможно ли утверждать, что «устарел» материализм (философский исток и основание атеизма) как один из вариантов решения «устаревшего» «основного вопроса философии»?

Согласно идеализму, субстанцией является сознание, – внечеловеческое, которое порождает, создает, творит материальный мир. Относительно материалистической модели картина мира переворачивается, материальное бытие не является самодостаточным, будучи производным от бытия нематериального, «привязанным» к нему и выводимым из него, что также является одним из наиболее важных постулатов объяснения мира и человека. Если неизбежным спутником материализма является атеизм, то идеализму сопутствуют религиозные идеи. Под религией здесь понимается такая ее форма, как теизм, если религия (лат. *religio*) это именно *связь* не только мира естественного и сверхъестественного, но и прежде всего – благодатная связь имманентной личности человека и трансцендентной Личности Бога, Родителя и ребенка, – связь, более всего представленная в православии.

Личностный характер Бога, Его трансцендентность миру, признание Его Творцом и Попечителем мироздания отличают теизм от пантеизма, в котором Бог безличностен, имманентен миру и не является его Творцом; в силу этого под религией как таковой мы понимаем именно теизм, тогда как пантеизм – это система не столько религиозных, сколько философских (религиозно-философских) представлений. Если говорить о трех мировых религиях, то в полном смысле религиями, по всей видимости, следует называть христианство и ислам, в то время как буддизм представляет собой, скорее, религиозно-философское учение (в нем нет *связи* человеческой личности с трансцендентным миром, имеющей принципиально личностный характер, напротив, буддизм во многом апеллирует к обратному – растворению человеческого «я» в безличностном бытии космоса).

Следующие идейные спутники материализма и идеализма после атеизма и теизма – это эволюционизм и креационизм. Устарела ли дискуссия между этими концепциями? Являются ли они «давно преодоленными»? Как раз наоборот, – представители этих мировоззренческих полюсов принципиально не хотят идти ни на какие уступки друг другу, с жаром доказывая свою правоту множеством фактов, которые, к сожалению или к счастью, сами по себе безмолвны и могут использоваться для построения противоположных моделей. Возможно ли примирить креационизм и эволюционизм? Если Бог является Творческим Началом, то Он создал мир, способный к эволюции и саморазвитию. Возможно ли такое? Вполне возможно. Причем именно такой вариант и представляется наиболее вразумительным. Почему же тогда сторонники эволюционизма категорически отказываются согласиться с ним? Ведь в данном случае признается наличие эволюции в неживой и живой природе и происхождение (телесное) человека эволюционным путем.

В обозначенном варианте мировоззренческого синтеза креационизма и эволюционизма последний выступает «под эгидой» первого, и именно это, по всей видимости, не позволяет эволюционистам принять такой вариант синтеза. Получается, что для них важен не эволюционизм, а *самодовлеющая и имманентная* способность материи к эволюции, возможная только в том случае, если материя является субстанцией. Как ни удивительно, их интересует не эволюционизм как таковой, а принципиальное *несуществование* трансцендентной нематериальной реальности, которая является причиной и источником способности материального мира к эволюции. Таким образом, эволюционисты ратуют, по сути, – за атеизм и, в конечном счете, материализм. Понятно, что в случае с креационизмом будет все то же самое, только наоборот.

Далее идейная цепочка «материализм – атеизм – эволюционизм» дополняется звеном сциентизма, а противостоящая ей – звеном антисциентизма. Устарела ли полемика между этими двумя противоположными социокультурными ориентациями? Не только не устарела, но и разворачивается в настоящее время с новой силой. Круг вопросов, поднимаемых здесь, связан с определением роли и значения науки в жизни человека и общества. Чтобы не повторять далее в каждом предложении термины «сциентизм» и «антисциентизм», будем сначала обозначать утверждение сциентистского характера, а потом – антисциентистского. Итак, основные расхождения (под наукой в данном случае подразумевается в первую очередь естествознание, математические и технические науки):

1. Наука является ведущей формой духовной культуры человечества и определяет облик современного мира и человеческой жизни. – Наука всего лишь одна из форм духовной культуры наряду с религией, философией и искусством, она не является определяющей.

2. Наука познает окружающий мир и добывает истину. – Наука строит различные интерпретации мироздания и человека, которые могут относиться к действительности достаточно отдаленно и опосредованно или даже не иметь к ней никакого отношения.

3. Техника и технологии – наиболее яркие свидетельства в пользу адекватного познания мира наукой (практика – критерий истины). – Технические достижения не являются свидетельством в пользу открытия наукой истины в ее корреспондентском понимании, умение создавать из первой природы вторую не означает подлинного познания первой, а наука и техника скорее – не «родные сестры», а достаточно «дальние родственники», если даже не «соседи по коммунальной квартире»; см.: [Гусев 2018].

4. Наука открывает пред человеком новые, невиданные ранее возможности. – Наука «соблазняет» человека иллюзорными возможностями и уводит его от него самого, наполняя его жизнь суррогатами, которые не могут заменить ее смысла и полноты.

5. Человеческая жизнь сводится в принципе к «хлебу и зрелищам», и ту, и другую потребность с успехом удовлетворяет наука. – Человеку, даже при наличии «хлеба и зрелищ», не хватает чего-то очень важного, что является причиной метафизического томления и тоски.

6. Поиск ответов на метафизические вопросы – бессмысленное занятие, так как ответы на них всегда будут негативными, в то время как наука дает позитивные ответы на неметафизические вопросы. – В процессе поиска ответов на метафизические вопросы человек по-настоящему осуществляет себя, наполняет свою жизнь подлинным смыслом.

7. Наука несет человеку свет разума, а религия и философия – это, соответственно, мракобесие и пустословие. – Наука дает человеку далеко не все, что ему необходимо, а религия и философия нужны ему не меньше, чем наука; сугубое упование на возможности науки является действительным мракобесием.

8. Наука дает человеку просвещение, которое и должно привести его к процветанию, а общество – ко всеобщему благоденствию. – Просвещение не делает человека гармоничным и счастливым, намного важнее для него *просветление*, которого наука дать не может по своей природе и которое может быть обретено на путях философских и религиозных поисков.

9. Наука является основой прогрессивного мировоззрения, противостоящего как религиозному невежеству, так и философским спекуляциям. – Мировоззрение может быть религиозным или атеистическим, идеалистическим или материалистическим, но не может быть научным, «наука не мыслит», не знает ни своих первых оснований, ни конечных целей, выступая всего лишь инструментом в руках человека, наделенного свободой воли.

10. Наука является союзницей атеизма и противницей религии. – Наука и религия не антагонистичны, так как занимают различные, не пересекающиеся «ниши» интеллектуального бытия; наука отвечает на вопрос «как», а религия – на вопрос «зачем», в силу чего они могут не только мирно сосуществовать, но и дополнять друг друга.

Все основные различия между сциентизмом и антисциентизмом проистекают, в конечном счете, из противостоящих положений о существовании или несуществовании трансцендентной нематериальной реальности. В случае, когда помимо материального мира есть превосходящее его идеальное бытие, которое является его действительным основанием и причиной, все утверждения сциентизма являются ошибочными, а противоположные им идеи антисциентизма – верными; в случае же несуществования трансцендентной реальности все оказывается равным счетом наоборот. Идеи же существования или несуществования таковой прямо следуют из двух основных вариантов решения проблемы первичности – материализма и идеализма, которые являются, как мы увидели, начальными звеньями двух противостоящих мировоззренческих цепочек или систем.

Следующими звеньями эти цепочек будут, соответственно, детерминизм и индетерминизм. Либо и мир, и жизнь человека и общества являются, в силу жестких естественных причинно-следственных связей, достаточно «прозрачными» и предсказуемыми, «случайности не случайны», а развитие носит, по большому счету, линейный характер; либо же во всем остается большая область неопределенности и непредсказуемости, развитие нелинейно, и ни мироздание, ни человеческая жизнь не являются гарантированными, даже если нам и известны исчерпывающие начальные условия.

Предвидя возражение относительно того, что и в «материализме – атеизме – эволюционизме – сциентизме» есть место индетерминизму, особенно в последнее время (в рамках, например, глобального эволюционизма, синергетики, концепций альтернативного развития и т. п.), отметим, что индетерминизм здесь выступает все же «под эгидой» детерминизма, так как случайность, неопределенность и непредсказуемость трактуются как неизвестная нам часть закономерности, и все это не выходит за рамки единственно существующего физического, материального мира.

Еще одно возможное возражение связано с пониманием детерминизма как своего рода *естественного фатализма*, который все же противостоит волюнтаризму. Такой фатализм, он же детерминизм, не исключает, а предполагает действительное познание мира («Дайте мне координаты и скорости всех частиц, – и я предскажу будущее Вселенной!»), благодаря которому через идею свободы как познанной необходимости

детерминизм вполне логичным образом превращается в волюнтаризм. И действительно, пафос материалистически, атеистически и сциентистски ориентированного мировоззрения заключается в том, чтобы, познав законы физического мира и исторического бытия, сделать человека в естественной сфере хозяином природы, а в социальной – превратить из слепого орудия истории в ее активного участника и даже творца. Знаменитое положение К. Маркса, что «философы лишь различным образом объясняли мир; но дело заключается в том, чтобы изменить его», – квинтэссенция такого рода идейной платформы, которая привлекательна именно волюнтаристической направленностью.

Звеном в противоположной цепочке, противостоящим волюнтаризму, выступает не фатализм, как может показаться, а провиденциализм. В фатализме отношения трансцендентного мира и человека возможно представить с помощью аналогии хозяина и питомца, а в провиденциализме отношение Бога и человека, уже без всякой аналогии, – это связь Родителя и его ребенка. Развитое религиозное сознание базируется на двух основаниях: это воля Бога и воля человека. При вынесении за скобки одной из этих волей невозможно говорить о провиденциализме: если вынести за скобки волю Бога, получается атеизм и волюнтаризм, если вынести за скобки волю человека, получается фатализм. Важно подчеркнуть, что теизм, несмотря на утверждение о безграничности божественного провидения, чужд фатализму, так как свобода воли является одним из главных элементов грандиозной мировой мистерии. Свобода воли ангелов привела к появлению зла, свобода воли первого человека привела к отпадению его и всего тварного мира, вверенного ему в попечение, от Бога и к началу естественной истории, полной печали и бедствий; она же (свобода человеческой воли) есть залог возвращения человека к Творцу и восстановления утраченной гармонии, а также свобода воли является краеугольным камнем каждой конкретной человеческой жизни во всех ее измерениях и проявлениях.

Еще два звена рассматриваемых мировоззренческих цепочек – это редукционизм и антиредукционизм. Или многообразие вещей, явлений и событий мира и человеческой жизни сводится к какому-то ведущему фактору, выводится из него и объясняется им, в силу чего естественный мир в принципе познаваем, или же такого рода сведение, выведение, объяснение и познание невозможно. Здесь опять же уместным будет возражение: в идеалистически-религиозной модели мира тоже присутствует сведение естественного материального мира к трансцендентно-идеальному, в силу чего и эта версия должна рассматриваться как разновидность редукционизма. Принципиальная разница заключается в том, что в первом случае одно имманентное сводится к другому имманентному, это чистый редукционизм; а во втором имманентное сводится к трансцендентному и выводится из него. Второй случай является антиредукционизмом, так как при условии существования трансцендентного, которое по определению есть абсолют, бесконечность, максимум, из него действительно все выводится и к нему же все сводится, как, например, любая точка, лежащая на прямой, является ее неизбежной принадлежностью и частью.

Итак, один из ответов на «основной вопрос философии», начинающийся с утверждения о первичности материи, никак не возможно признать надуманным, устаревшим, недостойным внимания, потому что он обуславливает определенную разработанную и развитую как мировоззренческую, так и методологическую систему, с успехом работающую в настоящее время как в науке и в философии, так и на уровне быденного сознания; она представлена атеизмом, эволюционизмом, сциентизмом, детерминизмом и редукционизмом. Так же и второй ответ на «основной вопрос философии», начинающийся с утверждения о первичности внечеловеческой идеальной реальности, не устаревает на протяжении веков, так как является основанием другой мировоззренческой системы, с не меньшим успехом работающей в различных областях в жизни человека и общества, представленной теизмом, креационизмом, антисциентизмом, индетерминизмом и антиредукционизмом.

Все наиболее принципиальные идейные различия по фундаментальным проблемам существования мира и человека сводятся к основному вопросу философии, теперь

уже без кавычек, или, что почти то же самое, – к «основному вопросу религии» о существовании трансцендентной реальности, или – к «основному вопросу науки» о том, каков все-таки мир «на самом деле» и познает ли она его реально или нет. Вспомним знаменитые слова А. Камю: «Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии» [Камю 1990, 24]. Возможно утверждать, что этот антропологический и экзистенциальный вопрос восходит, в неявном виде, к онтологическому вопросу о природе субстанции (хотя сам Камю это отрицает) и к проблеме первичности материи или внечеловеческого сознания, к вопросу о существовании трансцендентного мира. Такого рода утверждение может показаться достаточно странным. Но в онтологическом контексте противостояния материализма и идеализма можно вполне определенно ответить на вопрос французского экзистенциалиста; причем ответить, не вставая лично ни на ту, ни другую точку зрения, не отдавая субъективного предпочтения ни одному идейному полюсу.

Если существует только естественный мир, то жизнь человеческая, по крупному счету, не стоит того, чтобы ее прожить; кроме того, в этом случае, она полностью ему принадлежит, и он волен распоряжаться ею по своему усмотрению. Если же естественный мир произведен от сверхъестественного (особенно – существующего и мыслимого в личностном измерении), то человеческая жизнь непременно обязана быть прожитой, потому что не принадлежит полностью человеку, он не волен распоряжаться ею так, как ему захочется. На первый взгляд ни одно из противоположных утверждений относительно того, стоит ли человеческая жизнь того, чтобы ее прожить, не является в мировоззренческом смысле более «выигрышным», каждое обусловлено своей «системой координат», апеллирующей в том и другом случае не к доказательному знанию, но к бездоказательной вере и свободному ее выбору. Однако второй ответ (религиозно-идеалистический) сопряжен с идеей неперемногого наличия смысла человеческого бытия (полагаемого не в имманентном, а в трансцендентном), а в первом случае этот смысл проблематизируется, в силу чего второй вариант возможно признать более гуманистически ориентированным, чем первый.

Кроме того, материализм и идеализм, равно как атеизм и теизм, выступают вроде бы одинаково недоказуемыми, равноправными и альтернативными системами мировоззренческой навигации, позволяющими человеку жить и действовать в соответствии с той или иной моделью. Однако первая система действует в ограниченном масштабе, на отрезке естественной человеческой жизни – от физического рождения до физической же смерти; вторая «работает» в масштабе безграничного, выходя за естественные ограничительные точки отрезка человеческой жизни. Первая система интеллектуальной и жизненной навигации очень хорошо работает в «штатном режиме»: когда человек жив и здоров, имеет стол и кров, видит мирное небо над головой, находится в относительной безопасности и т. д., тогда ему достаточно легко и даже, возможно, приятно исходить из совокупности идей материализма, атеизма, эволюционизма и сциентизма. Однако когда жизнь переходит в «нештатный режим», а человек попадает в некую «пограничную ситуацию», тогда, как правило, первая – легкая и удобная система навигации отключается и запускается вторая, которая надежно работает во всех возможных условиях.

Что нам делать с собственной смертностью? Материализм, атеизм и сциентизм встают здесь в полный тупик, их представитель в ужасе цепенеет перед лицом полного и бесповоротного конца, небытия. Будучи способным и готовым многое сказать и сделать в «штатном режиме» жизни, здесь он вдруг из величины значительной мгновенно превращается в величину ничтожную и оказывается полностью безмолвен и бессилен, в то время как представители противоположной мировоззренческой системы могут спокойно и бесстрашно вслед за Святителем Иоанном Златоустом произнести риторический вопрос: «Где твое, смерть, жало? Где твоя, ад, победа?». Они в отличие от своего оппонента *знают*, что в этом случае думать, говорить и делать. Получается, что в материалистическом «навигаторе» загружены какие-то определенные «дорожные карты» человеческой жизни, но далеко не все, и человек, оказавшийся на территории,

не охваченной этими «картами», обычно полностью теряется и впадает в панику, будучи безнадежно дезориентированным. В объективно-идеалистическом «навигаторе» загружены все возможные «дорожные карты» человеческого бытия, в результате чего человек *везде находится дома* и ему действительно *ничего не страшно*. По крайней мере, не страшно так, как в первом случае. Если «философия – это, собственно говоря, тоска по отчизне, – *стремление быть повсюду дома*» [Новалис 2014, 247], то атеистически-материалистический ее вариант лишает человека этого дома, а религиозно-идеалистический, напротив, дарит его.

Несмотря на преимущества второго «навигатора», современный *среднестатистический* человек, образованный и «просвещенный», в более или менее явном виде придерживается как раз первой «навигационной системы», полагая мировоззренческое отсутствие трансцендентного мира, – или лишенного онтологического статуса (материализм и атеизм), или методологически «отрезанного бритвой Оккама» (сциентизм) более правдоподобным, вразумительным, логичным (рациональным) и в большей степени «соответствующим» имеющимся фактам. Что касается последних, то здесь, как уже говорилось, равным счетом ничего нельзя обосновать ни в ту, ни в другую сторону, так как из фактов, как из деталей конструктора, возможно построить различные и исключаяющие друг друга, но равноправные интерпретации действительности.

Большая «правдоподобность» первой модели, по всей видимости, обусловлена тем, что материальному миру отказать в реальности сложно, не только на уровне обыденного сознания, но и на уровне философской рефлексии. Что касается нематериального, вне-человеческого мира, то он входит в жизнь человека намного более тонким и неявным образом, что, скорее всего, и вызывает соблазн «отсутствия нужды в этой гипотезе».

Традиционно религиозное мировоззрение рассматривается как лежащее преимущественно в общем русле иррационализма, а материалистически-атеистически-сциентистское, по большей части, – рационализма. По крайней мере, подавляющее большинство аргументов атеистов против теистов, как и оснований невозможности, например, признавать теологию научной дисциплиной, находится именно в этой плоскости рассуждений о рациональном и иррациональном. Возможно ли посмотреть на ситуацию с иной стороны и знаменитый тезис Тертуллиана «Верую, ибо абсурдно» представить как апеллирующий не к иррациональному, а как раз к рациональному измерению противопоставленности веры и знания? Представляется достаточно правдоподобным, что нередко в подобного рода рассуждениях произвольно отождествляются неотожде-ствимые объекты и, соответственно, инструменты их освоения. Например, в качестве «доказательства» «несостоятельности» религиозных идей и сюжетов к области трансцендентной применяется имманентный инструментарий, то есть происходит нарушение одного из главных логических требований самоидентичности рассуждения.

Вслед за Николаем Кузанским обратимся к математической аналогии-иллюстрации. Есть ли у отрезка середина, можно ли его поделить на десять частей, увеличить в два раза или сократить на три четверти и т. д. и т. п.? Можно. Перейдем к прямой – можно ли с ней сделать все то же самое? В принципе нельзя? Почему? Ведь и отрезок, и прямая – геометрические объекты, неужели законы геометрии не являются одинаковыми для всех ее объектов? В данном случае рассуждение превращается в софизм: возможное с отрезком невозможно с прямой. При переходе от конечного к бесконечно-му возможное становится невозможным и наоборот.

Внутреннее единство и непротиворечивость религиозной и объективно-идеалистической картины мира – недостаточное условие для ее принятия в качестве безупречного мировоззренческого и жизненного «навигатора», так как еще одним условием, надежно сокрытым, является действительное существование той реальности, о которой говорит религия. В случае же ее несуществования она, в соответствии с утверждениями противоположной позиции, признается результатом деятельности человеческого сознания, которое само – результат деятельности высокоорганизованной материи, которая, в свою очередь, и есть весь возможный онтологический максимум. Таким образом, как видим, вопрос об объективном или объектном существовании или несуществовании

сверхъестественного теистического мира (помимо напрямую доступной нам физической реальности) с полным основанием можно рассматривать как *основной вопрос* среди всех имеющихся у нас вопросов, связанных с устройством мироздания и человеческой жизни, так как эти вопросы, в конечном итоге, восходят к нему и исходят из него, являются разными его проявлениями, разновидностями, интерпретациями и модусами, или – «комментариями на полях его». Но данный вопрос и есть вопрос о первичности, о соотношении материального и идеального, или – основной вопрос философии, – вновь без кавычек.

Утверждение, в котором сойдутся представители всех конкурирующих подходов, заключается в том, что ни подтвердить, ни опровергнуть существование или несуществование сверхъестественного мира невозможно. А что же тогда возможно? Только вера, противостоящая знанию, – свободное, негарантированное принятие, на свой страх и риск, одного из двух противоположных вариантов представлений об устройстве всего сущего. Этот выбор основан на желании, чтобы было так, а не иначе. Однако желания бывают разными: одни – на пользу нам, другие – во вред. Что лучше желать, что лучше выбрать из двух веками противостоящих друг другу мировоззрений?

Ответ на этот вопрос, причем ответ, с которым трудно поспорить, дает нам знаменитое пари Паскаля, который предлагает исходить из соотношения вероятностей существования или несуществования сверхъестественного – даже не «один к одному», а очень большой вероятности его несуществования и очень маленькой вероятности его существования. Согласно закономерностям оптимального выбора «ставки», умножается вероятность «выигрыша» на его величину. Если умножить большую вероятность несуществования трансцендентного мира на достаточно большой «выигрыш» в виде антропологического волюнтаризма («человек – это звучит гордо», «все в наших руках», «каждый – кузнец своего счастья» и т. п.), то получается большая, но все же конечная величина. При умножении маленькой вероятности существования такого мира на бесконечный «выигрыш» в виде бессмертия – не суррогатного и доступного немногим («я памятник себе воздвиг нерукотворный»), но подлинного бессмертия, доступного всем, – в виде полного сохранения личности, экзистенции, человеческого «я», души, получается бесконечно большая величина. Зададимся вопросом – есть ли смысл гнаться за конечными величинами, если *можно* получить бесконечное?

Наконец, «выигрыш», о котором идет речь, – не только сохранение личности после обветшания ее биологического «носителя» (тела), но и последующее ее воплощение в неразрушаемой и совершенной форме материи, – приобретение и мирозданием, и человеком такого состояния, ничтожная часть которого является недостижимым пределом устремлений и чаяний современной науки со всеми ее технологиями, поражающими наше естественное воображение.

Источники – Primary Sources in Russian Translation

Камю 1990 – Камю А. Миф о Сизифе // Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / Пер с фр. М.: Политиздат, 1990 (Camus, Albert, Le Mythe de Sisyphé).

Новалис 2014 – Новалис. Фрагменты. СПб.: Владимир Даль, 2014 (Novalis, Fragmente).

Энгельс 1983 – Энгельс Ф. Старое предисловие к «Анти-Дюрингу». О диалектике // Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М.: Политиздат, 1983 (Engels, Friedrich, Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft, Vorwort).

Ссылки – References in Russian

Васильев 2008 – Васильев Л.С. «Основной вопрос философии»: идеи и интересы // Общественные науки и современность. 2008. № 5. С. 152–162.

Гусев 2018 – Гусев Д.А. Религия, атеизм и наука: интерпретации взаимодействий и эвристических возможностей (в историко-философском и общетеоретическом аспектах) // Вопросы философии. 2018. № 8. С. 65–76.

Меньчиков 2010 – Меньчиков Г.П. Об изменении основного вопроса философии // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 1. С. 125–134.

References

Vasil'ev, Leonid S. (2008) "The main question of philosophy": ideas and interests', *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, No. 5 (2008), pp. 152–162 (in Russian).

Gusev, Dmitiy A. (2018) "Religion, Atheism and Science: Interpreting Interactions and Heuristic Opportunities (Historic, Philosophical and Pantheoretical Aspects)", *Voprosy filosofii*, Vol. 8 (2018), pp. 65–76 (in Russian).

Men'chikov Gennadiy P. (2010) "On changing the main question of philosophy", *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, V. 152, No. 1 (2010), pp. 125–134 (in Russian).

Сведения об авторе

ГУСЕВ Дмитрий Алексеевич –

доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, профессор кафедры психологии, педагогики и социально-гуманитарных дисциплин Московского университета им. С.Ю. Витте, профессор кафедры социально-гуманитарных, экономических и естественнонаучных дисциплин Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Author's Information

GUSEV Dmitry A. –

DSc in Philosophy, professor, Philosophy Subdepartment, Moscow State Pedagogical University; professor, Humanities Subdepartment, Moscow Witte University; professor, Humanities and Natural Sciences Subdepartment, Institute of law and National Security of Russian Presidential National Economy and State Service Academy.